

UDC/ЭОЖ/УДК 327; 94(574)
CICSTI/FTAMP/MPHTI 11.25.09; 03.20

Independent Ruler, Indefinable Role. Understanding the History of the Golden Horde from the Perspectives of the Yuan Dynasty¹

Yihao Qiu

PhD, Associate Professor, Department of History, Fudan University, Shanghai, China.

E-mail: kafka_qiuyihao@yahoo.com

https://orcid.org/0009-0007-2604-9004

Keywords: Jochid Ulus; Golden Horde;
Yuan Empire; Ulus; Islamisation

Тірек сөздер: Жошы ұлысы; Алтын
Орда; Юань империясы; ұлыс; ис-
ламдандыру

Ключевые слова: Улус Джучи;
Золотая Орда; Империя Юань; улус;
исламизация

This study discusses the history of the Golden Horde and the political status of the Jochid ulus from the perspective of the Yuan Dynasty. According to traditional narratives, the rulers of the Jochid ulus were largely antagonistic and apathetic towards the Yuan Court. However, Chinese sources present a somewhat different picture and shed new light on several issues, including the status of Jochid rulers in the eyes of Yuan historians, the importance of Jochid apanages in China, local dual-administrative structures, and local officials of the Great Khan. The importance of Berke's conversion to Islam and how this influenced the conflict between the Jochids and Toluids is also touched upon. The contribution ends with a discussion of the relationship between the Golden Horde and the Yuan Dynasty in the post-Berke period.

For citation: Qiu Yihao. 2024. Independent Ruler, Indefinable Role. Understanding the History of the Golden Horde from the Perspectives of the Yuan Dynasty. *Qazaq Historical Review*, vol. 2, no. 3, 289–307 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.3.289.307>

Тәуелсіз билеуші, белгісіз рөл. Юань династиясының көзқарасымен қарағандағы Алтын Орда тарихы

Ихао Цю

*PhD, ассоциялы профессор, Тарих департаменті, Фудан университеті,
Шанхай, Қытай*

Бұл зерттеуде Алтын Орда тарихы мен Жошы Ұлысының саяси мәртебесі Юань династиясының көзқарасы тұрғысынан қарастырылған. Дәстүрлі ұғым бойынша, Жошы Ұлысының билеушілері Юань сарайына қатысты айтарлықтай жаулық көзқараста болды деп есептеледі. Алайда қытай дереккөздері біршама өзгеше картинаны көрсетіп, Юань тарихшыларының Жошы ұлысы билеушілеріне көзқарасы, Қытайдағы Жошы ұлысының иеліктері (апанаж), жергілікті қосарлы әкімшіліктер мен Ұлы ханның жергілікті шенеуніктері байланысты жаңа мәліметтер ұсынады. Сондай-ақ Берке ханның ислам дінін қабылдағаны Жошы мен Төле ұрпақтарның арасындағы жанжалға қаншалықты әсер еткені де сөз болады. Мақала соңында Алтын Орда мен Юань династиясының Беркеден кейінгі қарым-қатынасы айтылады.

Сілтеме жасау үшін: Цю Ихао. Тәуелсіз билеуші, белгісіз рөл. Юань династиясының көзқарасымен қарағандағы Алтын Орда тарихы. *Qazaq Historical Review*. 2024. Т. 2. № 3. 289–307-бб. (орысша). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.3.289.307>

¹ Translation from English: Zarine A. Dzhandosova, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Central Asia and Caucasus, St. Petersburg State University.

Published: Qiu Yihao. 2018. Independent Ruler, Indefinable Role. In: *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 143, 45–64. URL: <http://journals.openedition.org/remmm/10237>; DOI: <https://doi.org/10.4000/remmm.10237>.

Независимый правитель, неопределенная роль. Понимание истории Золотой Орды с точки зрения династии Юань

Ихао Цю

*PhD, ассоциированный профессор, Департамент истории, Университет Фудань,
Шанхай, Китай*

В этом исследовании рассматривается история Золотой Орды и политический статус Улуса Джучи с точки зрения династии Юань. Согласно традиционному представлению, правители Улуса Джучи были в значительной степени враждебны и апатичны по отношению к двору Юань. Однако китайские источники представляют несколько иную картину и проливают новый свет на такие вопросы, как статус правителей-Джучидов в глазах историков Юань, значение джучидских уделов (апанажей) в Китае, местные двойные административные структуры и местные чиновники великого хана. Также затрагивается важность обращения Берке в ислам и то, как это повлияло на конфликт между Джучидами и Толуидами. В конце статьи идет речь об отношениях между Золотой Ордой и династией Юань в период после Берке.

Для цитирования: Цю Ихао. Независимый правитель, неопределенная роль. Понимание истории Золотой Орды с точки зрения династии Юань. *Qazaq Historical Review*. 2024. Т. 2. № 3. С. 289–307. DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.3.289.307>

Введение

Очень мало исследований опубликовано об отношениях между Золотой Ордой (1236–1502) и династией Юань (1271–1368). Это весьма примечательно, поскольку оба государства были влиятельными преемниками Великой Монгольской империи и сосуществовали почти целое столетие. В монголоведческих исторических исследованиях широко распространено мнение, что в гражданской войне между двумя младшими братьями Мункэ, а именно Хубилаем и Ариг-Бугой, новый правитель Золотой Орды Берке (пр. 1256–1266) отверг легитимность Хубилая и поддержал Ариг-Бугу. Отношения между великим ханом династии Юань и ханом Золотой Орды были непоправимо испорчены после неудачной попытки Ариг-Буги занять трон. В то же время, главенство великого хана было ослаблено после распада Монгольской империи. В результате их политической и дипломатической отчужденности и огромного расстояния между Новым Сараем и Ханбалыком, великий хан династии Юань больше не имел голоса во внутренних делах Золотой Орды.

Один из важнейших китайских источников, «Юань Ши» («История Юань», далее: ЮШ), был написан между 1368 и 1369 годами. Текст в основном основан на императорских хрониках, правительственных архивах и официальных отчетах в имперской канцелярии [Chen 1990: 115–129] и включает в себя значительный объем информации, касающейся военных и дипломатических контактов между Юань и Золотой Ордой. Кроме того, сохранились местные китайские документы и авторские произведения (например, географические словари, литературные антологии и надписи), написанные во время правления первых четырех монгольских великих ханов (1206–1259), которые иногда проливают свет на то уважение, которым пользовались Джучиды в восточной части Монгольской империи.

Когда дело доходит до изучения истории Золотой Орды, китайские источники страдают рядом недостатков. Во-первых, официальные документы, написанные во времена династии Юань, находились под сильным толуидским влиянием. Очевидным примером этого является отсутствие имени Берке в биографии правителей Улуса Джучи и генеалогических

таблицах Чингизидов.² Во-вторых, китайские историки иногда не учитывали некитайцев или путали хронологию далеких событий. Однако, несмотря на эти недостатки, китайские документы обладают потенциалом по-новому осветить историю Золотой Орды. По установлению Чингисхана, каждая ветвь императорского рода должна была получать свою долю на недавно завоеванных территориях. Бату тоже получил удел (*апанаж*) в Китае, и в последующие десятилетия изменения в этом уделе всегда совпадали с политическими потрясениями, затрагивавшими всю империю. Китайские документы содержат подробную информацию о представителях Улуса Джучи, о должностных лицах и административных структурах, которые Джучиды использовали для управления этим и другими уделами.

Целью данного исследования является обзор истории Золотой Орды с точки зрения династии Юань. Автор использует юаньские источники для получения новой информации о статусе правителя Улуса Джучи в глазах историков Юань, о значении джучидских уделов в Китае, и местных двойных административных структурах и должностных лицах. Также обсуждается вопрос, в какой степени исламизация Берке повлияла на отношения Джучидов с Толуидами. Статья завершается обсуждением отношений между Золотой Ордой и династией Юань в период после Берке.

Статус правителя Улуса Джучи

В целом китайские историки называют джучидских царевичей «принцами западных регионов» (*xidao zhuwang*, 西道諸王) или «принцами правой руки» [Song 1978: 63, 1721]. Эти ярлыки используются в сочетании с терминами «принцы восточных регионов» (*dongdao zhuwang*, 東道諸王) или «принцы левой руки» (*zuoshouzhuwang*, 左手諸王) [Song 1978: 63, 3797–3798], которые относятся к потомкам братьев Чингисхана. Император династии Юань именовался наследником «государства центра» (монг. *qool-un ulus*), что указывало на то, что он был прямым потомком Хубилая и законным преемником Чингисхана.

Джучи имел высший статус среди своих братьев при жизни Чингисхана не только по возрасту, но и в политических и экономических делах. Согласно «Тайной истории монголов», Чингисхан называл Джучи «старшим из своих сыновей», и из-за этого положения Джучи было даровано правление над лесными народами в Сибири после того, как он завоевал эту область [Cleaves 1982: 173]. Как его преемник, Бату, видимо, унаследовал положение и статус Джучи. В китайских источниках подчеркивается статус Джучи и его преемников. В надписи, написанной в 1254 году, Джучи именуется термином *zhengong* (震宮), который обычно переводится как «наследный принц» или «старший принц» [Ma 1998: 236].³ Десять лет спустя в меморандуме, представленном Мункэ, автор жалуется, что удел Джучи в Китае намного больше, чем у его братьев, что было обусловлено старшим статусом Джучи [Нао 1738, v. 32: f. 19]. Китайский титул Бату дает дополнительную информацию. Недавно опубликованная надгробная надпись включает титул Бату «верховный главнокомандующий» (*fujun*, 撫軍), который отражает его фактическую личность с точки зрения китайских источников [Liu 2011: 43]. По совпадению, синхронные армянские источники также подчеркивают статус Бату в качестве «командующего Севера» [Kirakos 1985: 309]. Как и его отец, Бату был назначен предводителем нескольких чингизидских царевичей, направленных для завоевания Кыпчакской степи, Волжской Булгарии и Руси в 1236 году, и его китайский титул, по-видимому, появился именно в это время [Juvaṇṇī 1958: 267, 269; Rashīd al-Dīn 1994,

² В ЮШ записаны имена всех последовательных правителей Улуса Джучи вплоть до Джанибека (пр. 1342–1357), но имя Берке не включено. Имя Берке также отсутствует в двух генеалогических таблицах Чингизидов. Напротив, предшественник Берке, Сартак (пр. 1256–1257), и преемник Берке, Менгу-Тимур (пр. 1267–1280), присутствуют в этих работах [Song 1978: 2714–2715; Тао 1997, v. 1: 23].

³ В целом китайский иероглиф *zhen* означает «трястись, сотрясаться», но в буквальном смысле он также означает «восточный». В оригинальном тексте термин *zhengong* используется как синоним термина *donggong*, «восточный дворец» (東宮), который является метонимом наследного принца.

в. 2: 360]. Впоследствии титул *fujun* был сохранен династией Юань. Например, наследный принц Хубилая, Чинким, и более поздние императоры, Тэмур и Хайсан, получили этот титул до отправления в Каракорум [Song 1978: 381, 500, 3113].

Согласно классическим китайским источникам, титула *fujun* («верховный главнокомандующий») удостоивался царевич, который назначался главным представителем великого хана для руководства военными действиями в определенной области, находившейся под совместным правлением Чингизидов.⁴ Подчеркивается военная функция должности. В большинстве военных и гражданских дел *fujun* должен был сотрудничать с царевичами из других родов и объединять свои интересы с ними. Таким образом, можно сделать вывод, что во время правления Угэдэя Бату был не просто главой Улуса Джучи; он также был верховным главнокомандующим и главным представителем великого хана.

Кажется, что значение и функции термина *fujun* были очень похожи на значение и функции термина *ilkhan* (т.е. царевича, назначавшегося главнокомандующим для управления регионом как представитель, а не как подчиненный великого хана). Есть некоторые свидетельства того, что титул *ilkhan* использовался для обозначения правителя Золотой Орды, Токты.⁵ В арабских источниках Хулагу, позже *ильхан*, был идентифицирован как представитель (*мандуб*) и наместник (*науиб*) Мункэ. Он отвечал за управление Ираном и дальнейшие завоевания в Арабском Ираке [Lech 1968: 91, 103]. Подобное описание можно найти и в труде Киракоса [Kirakos 1985: 314], который называет Хулагу «великим генералом».

Сходство между статусом Бату и Хулагу также отражено в их княжеских девизах. Китайцы даровали Мункэ-Тэмурю девиз «Приносить пользу стране и оказывать милость людям» (*jiguo huimin*, 濟國惠民), который, вероятно, был унаследован от Бату и имеет ту же риторическую форму, что и девиз Хулагу на печати Абаки: «Поддерживать страну и обеспечивать мир людям» (*fuguo anmin*, 輔國安民) [Allsen 1991: 227–228; Belyaev and Sidorovich 2013: 20–21; Chen 2015: 70]. Эти два княжеских девиза соответствуют *fujun* и *ilkhan* соответственно и указывают на один и тот же статус, а именно статус императорского представителя Великого хана [Buell 1977: 126, 227].

Уделы (апанажи) и доходы Улуса Джучи в Китае

Апанажи. Удел (апанаж) Джучи можно рассматривать как рыхлое единство, состоявшее из большой степной территории и ряда изолированных феодалов, захваченных на разных стадиях завоевания. Степная территория и изолированные феодалы были созданы разными способами. Во-первых, за несколько лет до своей смерти, Чингисхан разделил свою империю между тремя братьями и четырьмя сыновьями от своей главной жены. Автор «Тайной истории монголов» и Джувайни не упоминают, в каком году это произошло, но Масааки Сугияма [Sugiyama 1978: 7] предполагает, что это произошло между 1207 и 1211 годами. Как старший сын Чингиса, Джучи был пожалован лесостепной территорией и народами между западной стороной Алтайских гор и рекой Иртыш. Примерно в то же время империя была разделена на центр, левое и правое крылья, отражая традиционную трехчастную кочевую военную структуру. Это трехчастное деление строго повторялось на вновь завоеванных территориях.

⁴ Титул *fujun*, «верховный главнокомандующий», упоминается в «Цзо чжуань» (左傳), второй год правления князя Мин (閔公二年): «(Наследный принц) охраняет столицу, когда правитель уходит (с войском) в другую страну; и если кого-то другого назначают охранять ее, (принц) служит отцу. Когда он служит отцу, его называют «Успокоителем войск»; а когда он остается на страже столицы, его называют «Инспектором государства» (верховным командующим), и это древнее правило» (太子……君行則守, 有守則從, 從曰撫軍, 守曰監國, 古之制也) [Yang 1995: 268; Legge 1893: 130]

⁵ Рашид ад-Дин [Rashīd al-Dīn 1994, v. 1, 746] упоминает, что военачальники Ногай называли себя «рабами и подданными ильхана», когда писали Токте.

С падением династии Цзинь в 1236 году Угэдэй разделил свое население и земли между императорской семьей, используя вышеупомянутую трехстороннюю систему. Уделы трех старших сыновей в основном располагались в провинции Шаньси (山西) на западе, вдоль маршрута, по которому они прошли. Братья Чингисхана получили уделы на востоке, в современной провинции Шаньдун (山東). Между ними находился удел Толуидов, который включал округ Чжэндин (真定) на юге провинции Хэбэй (河北). Будучи правителем Улуса Джучи, Бату получил 41 302 домохозяйства в Пинъян Лу (平陽路)⁶ и превратил весь регион в свой собственный удел [Song 1978: 2414; Li 2007: 410–421].

⁶ Лу – китайский термин, обозначающий подразделение местного административного деления, унаследованного от династий Сун и Цзинь.

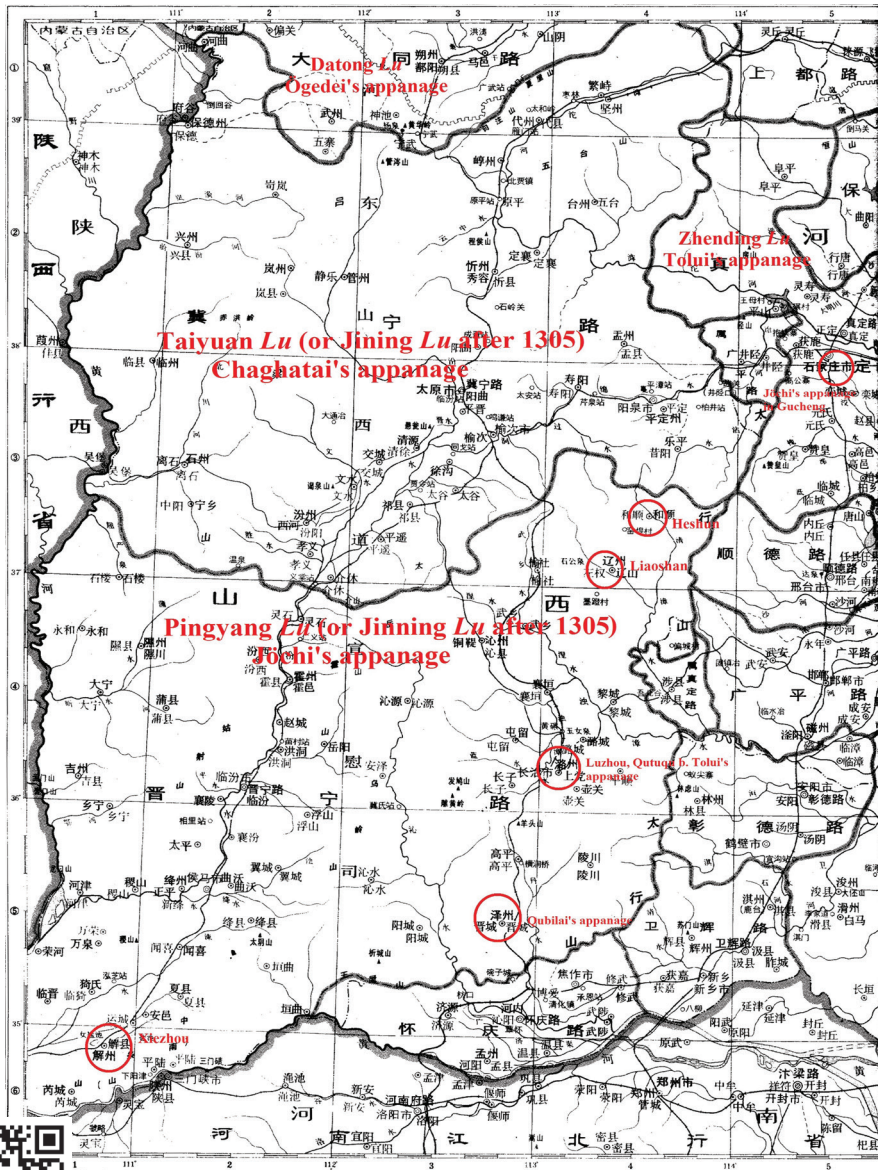

Fig. 1. Mongol appanages in Shanxi Province [Tan 1996: 7–8].

1-сур. Шаньси провинциясындағы моңғол иеліктері (апанаж) [Tan 1996: 7–8].

Рис. 1. Монгольские уделы (апанаж) в провинции Шаньси [Tan 1996: 7–8].

Десятилетия спустя, в 1281 году, трехстороннюю систему продолжил применять Хубилай [Song 1978: 2414], разделив население и доходы Цзянси и Хунани, двух провинций Южной династии Сун, которые были завоеваны несколькими годами ранее. Поскольку Джучи был одним из царевичей правого крыла (т.е. потомков сыновей Чингисхана), государство Джучи получило 60 000 семей в Юнчжоу (永州) в сегодняшней Хунани. Пинъян и Юнчжоу вместе составляли самые важные уделы Улуса Джучи. Число домохозяйств и годовые доходы этих уделов были тщательно зарегистрированы и сохранены в правительственных архивах. Даже десятилетия спустя, когда отношения между Золотой Ордой и династией Юань ухудшились, права и привилегии Улуса Джучи в этих регионах продолжали гарантироваться правительством. Эта ситуация изменилась только в 1288 году, когда Хубилай объединил Генеральное управление Пинъянского удела (*pingyangtouxia zongguanfu*, 平陽投下總管府) с администрацией округа Пинъян (*pingyanglu*, 平陽路). Это означало, что двор Юань прекратил выплачивать ежегодные доходы Улусу Джучи [Song 1978: 311]. Однако, когда хан Узбек отправил посланника для выяснения обстоятельств в 1336 году, доходы все-таки были выплачены [Song 1978: 2906].

Во-вторых, когда какой-либо царевич завоевывал населенную территорию, он имел право просить ее себе в качестве вотчины [Тоган 2001: 180, сн. 39]. Есть доказательства того, что такой вид вотчины принадлежал и Улусу Джучи в Китае. В 1227 году Бату был пожалован город Шачжоу (沙州) в бывшем королевстве Тангутов (*xixia*, 西夏) в качестве награды за взятие города после кровавой борьбы [Song 1978: 1450]. Шачжоу лежал за пределами главного удела Джучидов и был связан с ним через почтовую систему (монг. *jam*) [Song 1978: 2906; Shen 2015: 98–99]. Результатом этой системы стало то, что каждый монгольский улус состоял из рыхлого единства уделов, включавших части, принадлежавшие разным императорским семьям, и второстепенные владения, которые были отделены от основного удела и предоставлены другим царевичам [Jackson 1978: 192–193]. Тимуридский историк Натанзи неточно объясняет происхождение этой системы:

Чингисхан разделил (империю) между своими четырьмя сыновьями, каждому из них он выделил несколько владений на территории других, чтобы таким образом посланники постоянно курсировали между ними [Naṭanzī 1957: 427; Allsen 2001: 184].

В 1238 году Угэдэй приказал отделить Шэньчжоу (深州) и Гучен (鼓城) от Чжендина (真定) и пожаловал их государствам Чагатаидов и Джучидов соответственно. Оба округа находились на границе удела Толуидов. Бату получил 10 000 домов в Чжендине (真定) и приказал создать Управление военной и гражданской мирархии (*junmin wanhuifu*, 軍民萬戶府) для управления своими тамошними подданными [Song 1978: 1358, 2414]. Кроме того, мы знаем, что сын Беркечера, Йису Бука [Rashīd al-Dīn: f. 113b], получил уделы в Ляошане (遼山) и Хешуне (和順). Эти регионы граничили с уделом Чагатаидов, чьи подданные когда-то грабили население этих двух уездов, что привело к конфликту, в котором участвовали сотни людей [Ху 1985: 259]. Помимо потомков Джучи, еще и Кутуку, сын наложницы Хубилая, владел пастбищными землями в Лучжоу (潞州), который был округом нижнего уровня в уделе Бату. Это, вероятно, связано с тесными отношениями между Кутуку и Бату. Старшая дочь Кутуку, Калмыш, вышла замуж за одного из эмиров Бату и переехала в Золотую Орду [Qiu 2011: 109–110].

Из-за удаленности этих уделов было трудно поддерживать эффективное управление из главных ставок Золотой Орды, особенно в бурный период после 1260 года. Таким образом, во время правления Хубилая большинство этих фрагментарных уделов были преобразованы в традиционные китайские, местные административные учреждения и поставлены под прямой контроль чиновников Юань. Правительство больше не регистрировало доходы Улуса Джучи отдельно, а включало их в государственный доход. Кроме того, сын Хубилая, Ананда, князь Аньси, присоединил часть Пинъяна в 1270-х годах [Wang 1998: 72].

Местные административные институты. Даже в пределах своего удела юрисдикция того или иного царевича не была исключительной, а разделялась с императором. Обычно представитель императора занимал высшую позицию, которая охватывала более одного удела. Представитель императора руководил делами совместно с представителями царевичей, военными чиновниками и набранной на месте элитой. Эту систему можно назвать двойной административной структурой, которая создала прецедент для сателлитной администрации, которая была создана во время правления Мункэ [Buell 1977: 125].

К сожалению, имеется лишь очень ограниченная информация о двойной административной структуре Золотой Орды, особенно в ранние периоды. Это во многом связано с отсутствием письменной историографической традиции в культурной сфере кыпчаков [Halperin 2007: 273]. Однако есть прямые доказательства двойной административной структуры в Центральной Азии и Китае. Например, около 1230 года Угэдэй приказал представителям всех царевичей в Мавараннахре и Туркестане помочь Чормакуну, представителю великого хана. Представителями Бату были гражданский администратор Чин-Темур и монгольский эмир Носал [Juvaņņ 1958: 482–483].

В Китае великий хан назначал своих приближенных для надзора за гражданскими и военными делами различных чингизидских уделов в провинции Шаньси. Около 1229 года Сайиид Аджал был назначен *daruqači* Тайюаня и Пинъяна, которые принадлежали Чагатаидам и Джучидам соответственно [Song 1978: 3063]. Преемственность политики подтверждается тем фактом, что два года спустя монгольский чиновник Сюкэ (*su-ge*, 速哥) сменил Сайида Аджала (*sai-dian-chi*, 賽典赤) и принял новый титул – «великий *daruqači* провинции Шаньси». Его сын унаследовал эту должность после его смерти [Song 1978: 3052–3053]. Великий хан посылал и других чиновников в качестве помощников. В 1231 году бывший *bitikči* (монг. “писец”) Угэдэя Ху Тяньлу (胡天祿) был направлен в удел Джучидов, чтобы возродить местную экономику [Tong 1986, v. 5: f. 13a]. Политика отправки помощников гарантировала верховную власть великого хана над всей империей. Она позволяла ему эффективно мобилизовать рабочую силу и другие военные ресурсы из уделов и выступать посредником в спорах между различными ветвями Чингизидов.

Существовали аналогичные договоренности и в экономических вопросах. Например, налог, взимаемый с местных соляных прудов Сечжоу (解州), современного Юньчэна (運城) в провинции Шаньси, обеспечивал значительный доход правительству. Поэтому Угэдэй назначил Яо Синцзяня (姚行簡) комиссаром по налогу на соль Се(чжоу) (*xieyanshi*, 解鹽使) для надзора за налоговыми делами [Wang 1998: 51]. Один из подчиненных Яо Синцзяня, Су Чжуань (蘇), был назначен комиссаром Монопольного управления по соляному налогу в округе Хэдун (*hedong juquxieyansuo dashi*, 河東拘榷解鹽所大使) [Liu 2011: 44]. Семья Су Чжуаня служила Бату с 1236 года, и как его представитель, он отвечал за надзор за интересами Бату и других Джучидов в местных делах, связанных с соляным налогом.

Географические справочники и надписи предоставляют подробную информацию о нескольких представителях Улуса Джучи в местных административных структурах. Согласно указу Бату от 1237 года, его представители должны были консультироваться с чиновниками великого хана, а именно с *jaruqači* (судьей) Таракудаем и вышеупомянутым *bitikči* Ху Тяньлу [Cui 1826: f. 20b–22a], прежде чем выполнять его указы. Однако, десять лет спустя (1251) другой указ свидетельствует о том, что в первые годы правления Мункэ статус Бату повысился. Этот указ был адресован представителю Бату и губернаторам напрямую, без консультации с чиновниками великого хана [Qü 2006: 840–841].

В этих двух указах присутствуют имена еще нескольких представителей Бату, в том числе Сече (*xue-che*, 斜徹), Джарауна (*xia-la-hun*, 匣刺浑), Джалардая (*zha-la-er-dai*, 札刺兒歹) и Коркая (*huo-la-hai*, 霍刺海), большинство из которых можно идентифицировать как монголов.

Помимо монгольских чиновников, в качестве помощников приходилось привлекать и местную элиту для заботы о повседневных делах. Таким образом, можно предположить, что в местную административную структуру в уделах Джучидов входили следующие позиции:

- 1) *jaruqači*;
- 2) главный *daruqači*;
- 3) подчиненные *daruqači*;
- 4) нукеры монгольских чиновников,
- 5) китайские чиновники (командующие и технические чиновники);
- 6) переводчики (*kelemači*).

Помимо сбора доходов, представители Бату участвовали во многих областях местного управления, таких как спонсирование восстановления местных контор, набор рабочей силы для восстановления мостов, организация общественной безопасности и распределение воды.

В целом, о представителях Бату ничего не известно, кроме их имен. Единственным исключением является чиновник по имени Сече, чье имя упоминается в различных источниках, что позволяет нам составить общее представление о его жизни. В 1237 году Сече был назначен главным *daruqači* в Пинъяне, а в 1241 году он спонсировал восстановление местной конторы, которая была разрушена во время монгольского нашествия. Пять лет спустя он был повышен до *jaruqači* [Wang 1998: 61], но вскоре после этого казнен по приказу Гююка. Похоже, что он стал жертвой личной вражды между Бату и Гююком [Song 1978: 3467]. Кроме того, недавно опубликованная надпись на гробнице упоминает одного китайского чиновника, служившего Бату. Этот человек, по имени Су Гунши (蘇公式), был назначен «*daruqači* различных ремесленников Пинъяна». Он трижды переводил доход в лагерь Бату, который находился в районе современного Казахстана [Liu 2011: 43–44; Shen 2015: 92–100]. Согласно китайским источникам, доход Бату выплачивался золотом и, вероятно, включал золотые изделия, изготовленные китайскими ремесленниками. Проведенный археологический анализ [Shen 2012: 7–97] позволяет предположить, что золотые изделия, найденные в ранних гробницах Золотой Орды, демонстрируют влияние китайской ремесленной школы [Shen 2012: 7–97].

Последствие исламизации?

Правильно ли считать враждебность между Берке и Толуидами (т.е. Хубилаем и Хулагу) следствием обращения Берке в ислам? Большинство исламских источников утверждают, что их вражда возникла из-за ответа Берке Хулагу после падения Аббасидского халифата. Однако эта трактовка постепенно подвергается сомнению. Доказательства, оставшиеся в многоязычном корпусе источников, показывают, что их отчуждение началось на очень ранней стадии. Фактически, уже политика, проводившаяся во время правления Мункэ, расколола союз между этими двумя ветвями Чингизидов.

Хорошо известно, что после восшествия Мункэ на престол в 1251 году, Бату, его главный сторонник, был вознагражден дополнительными привилегиями в западной части Монгольской империи. Река Талас стала границей сфер влияния Мункэ и Бату. Однако, как де-факто, так и де-юре, власть Мункэ оставалась абсолютной по всей империи [Allsen 1987: 54–63]. Чтобы достичь необходимого баланса между обеими сторонами, Бату пришлось отказаться от нескольких своих интересов на востоке. Например, Аргун-ака и Бату в 1252 году заключили соглашение об урегулировании налогов Ирана и Кавказа, что подтвердило особые интересы Бату [Kolbas 2006: 143]. В качестве условия этого обмена ежегодная выплата Улусу Джучи от Китая была сокращена до гораздо меньшей суммы, чем просил Бату [Song 1978: 47]. Более того, джучидские царевики были отстранены от

распределения доходов в Тибете, который был монополизирован великим ханом и его тремя братьями [Petech 1990: 11].

В том же году Мункэ поручил завоевание Аббасидского халифата со столицей в Багдаде и завоевание Южной Сун в Южном Китае своим двум младшим братьям, Хулагу и Хубилаю, соответственно [Song 1978: 46; Juvaņī 1958: 607]. В рамках этого соглашения монгольские гарнизоны, размещенные в Центральной Азии и Северном Китае, были переданы этим царевичам, и местные экономические источники, которые ранее были разделены между различными ветвями Чингизидов, также были дарованы им. Согласно указу Мункэ, гарнизоны Джучидов (монг. *tammači*) в Иране и Кашмире находились под командованием Хулагу [Rashīd al-Dīn 1994, v. 2: 975]. Аналогичным образом, при поддержке Мункэ, представитель Хулагу имел верх над Джучидами и в местных экономических делах Герата около 1255 года [Sayfī 2004: 259–267; Jackson 1978: 222, n. 157]. Похожий сценарий развернулся и в Китае. В 1253 году, с разрешения Мункэ, Хубилай монополизировал соляной налог Сечжоу. Было создано новое учреждение, названное Управлением целесообразных действий (*Congyifu*, 從宜府), которое инкорпорировало бывшее Монопольное управление по соляному налогу Сечжоу в округе Хэдун [Song 1978: 59; Wang 2010: 51]. Монопольное управление было учреждением представителя Бату, тогда как новое учреждение, которое отвечало за военные поставки и налогообложение, контролировалось исключительно Хубилаем.

В дополнение к ограничению привилегий Джучидов в Китае, Мункэ начал регулировать экономический беспорядок в их уделах. В 1255 году один китайский интеллектуал через Хубилая направил великому хану (т.е. Мункэ) меморандум, в котором жаловался, что Бату перераспределил удел в Пиньяне среди Джучидов и разрешил всем своим родственникам собирать налоги с подданных напрямую. Кроме того, Бату приказал китайским подданным платить ежегодную дань исключительно золотом, что привело к массовому обнищанию [Hao 1738, v. 32: f. 19]. В ответ на это в 1255 году Мункэ издал указ, регулирующий незаконное налогообложение, а два года спустя, снова по приказу Мункэ, для предотвращения экономической анархии была проведена строгая перепись населения.

Отношения между двумя семьями еще более ухудшились после смерти Бату в 1255 году. В спешном соглашении Мункэ назначил преемником Бату Сартака, но тот умер на обратном пути в свое владение. Некоторые современники обвиняли его дядю, Берке, в отравлении Сартака. Через два года преемник Сартака, Улагчи, также скончался. В глазах Толуидов Берке не вполне годился на то, чтобы возглавить Улус Джучи, что отчасти было связано с его относительно низкой материнской линией: его мать, Султан-хан, была дочерью бывшего хорезмшаха, которая, попав в плен к монголам, была пожалована Джучи [Почкаев 2010: 248–249]. Между тем, главная жена Бату, Боракчин, была могущественной регентшей в Улусе Джучи. Она пользовалась сильной поддержкой Мункэ и происходила из этнической группы алчи-татар, влиятельного клана в политической жизни Улуса Джучи [Rashīd al-Dīn 1994, v. 1: 89]. Как мачеха и супруга Туда-Менгу, она поддержала Туда-Менгу в управлении Улусом Джучи. Предположительно, она получила разрешение от Мункэ и в 1256 году тайно отправила к Хулагу послов с просьбой о помощи. Мамлюкские источники утверждают, что, когда заговор Боракчин был раскрыт, она была казнена эмирами, поддержавшими Берке [al-Manṣūrī 1998: 14–17]. Джүзджани [Jüzjānī 1881–1899, v. 2: 1292] кратко упоминает о последовавшей жестокой чистке в роде Джучи. Из историков Государства Хулагуидов только Казвини дает краткое и неоднозначное описание этого события [Qazvīnī 1960: 585].

Берке был возведен на престол в 1257 году, и реакция Мункэ была антагонистичной, что ясно подтверждается осуществленным Мункэ распределением выделенных территорий в 1257 году. Это распределение принесло выгоду многим Чингизидам и нечингизидской знати. Помимо Толуидов, домохозяйства были выделены даже бывшим политическим противникам, включая царевичей улусов Угэдэя и Чагатая, которые были лишены большинства

своих уделов и подданных после 1251 года. Примечательно, однако, что ни один человек из рода Джучи не был включен в список распределения домохозяйств. Вместо этого значительное количество домохозяйств в Пинъяне, традиционном уделе Джучидов, было передано Толуидам. Например, 1100 семей в Пинъяне были переданы дочери Толуя царевне Думаган (*du-mu-gan*, 獨木干), а монгольскому чиновнику Ноку-нойону (*nao-hu guanren*, 獐虎官人) было выделено 1000 дворов [Song 1978: 2427, 2436]. В Центральной Азии Хулагу, поощряемый Мункэ, также перестал платить долю доходов Берке [Ayalon 1971: 174].

Другим показательным действием Мункэ было назначение Китая (*qi-dai*, 乞歹), сына его кунградского зятя Лачина, в качестве *daruyaci*, отвечающего за внутреннюю безопасность на Руси и в Алании [Song 1978: 50, 1570]. В свете недавнего политического кризиса и слухов о том, что Берке аннексировал владения противостоявших ему Джучидов, весьма вероятно, что Китай был назначен не только для надзора за регистрацией населения, как предполагал Томас Олсен [Allsen 1985: 41], но и для контроля за Берке, что проявило бы настоятельность Мункэ по отношению к нему. Бдительность великого хана была оправдана, как указала Джудит Колбас [Kolbas 2006: 146], потому что Берке не соблюдал предыдущие соглашения и после 1257 года начал чеканить собственную монету.

Мункэ умер в 1259 году во время вторжения в Южную Сун, и поскольку его старший сын, Балту, скончался до него, не оказалось назначенного наследника престола. Младший брат Мункэ, Хубилай, провозгласил себя ханом в Кайпине. Ариг-Буга, представитель великого хана в Каракоруме, последовал его примеру и тоже возвел себя на ханский престол. Это привело к гражданской войне Толуидов, в которой участвовали все ветви Чингизидов.

Члены двух противоборствующих лагерей перечислены в ЮШ и у Вассафа соответственно. Эти два источника предоставляют взаимодополняющую информацию. Согласно ЮШ, список наград, выданных в 1260 году, включает всех фактических и потенциальных союзников Хубилая. Царевичи, происходившие от братьев Чингисхана, были главными сторонниками Хубилая и получили по 5000 серебряных слитков на семью. Кроме них, в лагере Хубилая остались только несколько второстепенных царевичей из родов Чагатая и Угэдэя. В списке нет ни одного представителя рода Джучи [Song 1978: 68–69].

Вассаф сообщает, что Ариг-Буга получил поддержку нескольких влиятельных царевичей ветвей Чагатаидов и Угэдэидов, включая вдову Мункэ [Vaṣṣāf 1960: 11]. Поддержка Берке была особенно важна. В последние годы правления Мункэ Берке стал одним из самых могущественных людей в империи, и его престиж в Центральной Азии и Иране быстро рос. Согласно поэтической адаптации ярлыка, адресованного Хулагу, Ариг-Буга заявил, что его возведение на престол произошло «после консультации с Баркаем, сыном моего дяди Джучи, который был патриархом в роду». По этой причине его притязания на трон могли считаться более законными, чем притязания Хубилая [Qazvinī 2010, v. 8: 177].

Некоторые советники Хубилая очень хорошо предсказали политический климат и предупредили Хубилая, что связь между Китаем и Ираном, скорее всего, будет прервана «кочевниками западных регионов» (*xi-yu-zhu-hu*, 西域諸胡), почти наверняка имея в виду Берке и его союзников [Нао 1738, v. 32: 11]. Это предсказание основывалось не только на слухах. Сын Удура, Карачар, присоединился к армии Ариг-Буги [Allsen 1987: 17], а мамлюкские историки упоминают военную помощь Берке против Хубилая и его последующее поражение [Ibn Abī-l-Faḍā'il 1919: 442–446].

Месть Хубилая была быстрой. Он отказался от интересов Джучидов в Иране и Центральной Азии, чтобы получить поддержку Хулагу и Алгу [Rashīd al-Dīn, v. 2: 880]. Кроме того, в 1261 году Хубилай принял предложение местного губернатора ликвидировать удел Джучидов в Чжендине [Ren 1998: 22], а год спустя Пинъян также был поставлен под прямое управление центрального правительства [Song 1978: 107]. Из всех мер мести, осуществленных

после восшествия на престол, ликвидация и сокращение уделов Джучидов были самыми крайними мерами.

Если рассматривать эти события в хронологическом порядке, будет трудно утверждать, что исламизация сыграла ключевую роль в конфликте между Джучидами и Толуидами. В отличие от исламских историков, которые склонны подчеркивать роль религии в конфликте [Jūzjānī 1881–1899, v. 2: 1257; Rashīd al-Dīn 1994, v. 2: 1044; al-Yūnīnī 1954–1961, v. 2: 365], враждебность можно отнести в основном к прагматическим спорам по поводу политических и экономических интересов, а не к религиозным разногласиям. И Мункэ, и Хубилай пытались создать централизованное государство, которое ущемляло интересы Чингизидов и противоречило клановой системе перераспределения. Поэтому, вопреки впечатлению, созданному историками Юань и Государства Хулагуидов, Берке был скорее пассивным сопротивителем, который пытался противостоять великому хану. Однако его сопротивление всегда вызывало более суровую реакцию со стороны великого хана. В Юаньском Китае современники могли легко заключить, что вражда между великим ханом и мятежными царевичами вызвана непримиримыми различиями между кочевыми ценностями и китайскими политическими принципами.

Религиозные мотивы, или, скорее, исламский уклон, можно проследить у мусульманских историков, которые намеренно подчеркивали религию как ключевой фактор в своем повествовании. Они использовали ее для объяснения причины конфликта и призывали к *джихаду* против их общего врага, правителей Государства Хулагуидов. Однако существует мало доказательств в поддержку этой теории. В сокращенной версии дипломатического послания Берке султану Байбарсу Берке обвиняет Хулагу в том, что тот неверный и враг ислама, и просит султана заблокировать проход Хулагу [Ibn Shaddād 1983: 170–171; Ayalon 1971: 172]. Хотя это может указывать на важную роль религии, Давид Аялон [Ayalon 1971: 173] обращает внимание на то, что, согласно Ибн Шаддаду, главной причиной антагонизма было то, что Хулагу прекратил посылать доходы семье Бату [al-Khazandārī 2005: 126; al-Yūnīnī 1954–1961, v. 1: 498; Ibn Abī-l-Faḍā'il 1919: 445].⁷

Некоторые мамлюкские историки упоминают, что до начала военных действий Берке отправил со своими посольствами несколько «колдунов» (*saḥāra*), чтобы уравновесить колдунов, служивших ильхану. Среди колдунов Хулагу, один человек по имени Бикша (неверное прочтение «Йикша») принял дары Берке и согласился сотрудничать с ним в попытке тайно повлиять на Хулагу. Однако одна колдунья из Китая (*min al-Khiṭā*), по имени Камша, якобы узнала об их заговоре и уведомила Хулагу, который затем приказал арестовать и казнить всех посланников и колдунов Берке [al-Yūnīnī 1954–1961, v. 1: 498, v. 2: 162; Ibn Abī-l-Faḍā'il 1919: 445].⁸ Учитывая личные убеждения Хулагу и религиозный климат при дворе ильхана, «колдуны», упомянутые здесь, скорее всего, относятся к буддийским монахам, нежели к мусульманским ученым.⁹ Лингвистические данные также указывают на то, что имена колдунов, скорее всего, были транслитерированы с санскрита. Таким образом, этот эпизод указывает на то, что немусульмане не были строго исключены из личного круга Берке, даже после его публичного обращения в ислам. Единственная запись о религиозном споре, касающемся исламской веры правителя Золотой Орды, – это сообщение Чжэн Сисьяо (鄭思肖), сторонника бывшей династии Сун, который жил в Сучжоу в Южном Китае. По словам Чжэн

⁷ Первый том биографии султана Байбарса, написанной Ибн Шаддадом, утерян. Некоторые цитаты включены в более поздние работы мамлюков. Джексон [Jackson 1999: 16] указал, что описание ал-Хазандари в статье Аялона было ошибочно приписано Ибн Василу Тизенгаузену.

⁸ Блоше (Blochet) предлагает отождествлять *Yikshā* с *Bikshā* [Ibn Abī-l-Faḍā'il 1919: 446, note]. Однако в версии ал-Йунини имя колдуна пишется как *Taktā*, а имя колдуньи – как *Kamsā* или *Kamshtā*.

⁹ Покровительство Хулагу буддийским монахам широко освещалось арабскими и персидскими авторами того времени. Армянские историки также подробно обсуждают этот вопрос [Kirakos 1985: 333].

Сисьяо, Бату правил мусульманскими территориями, и что все мусульмане были его подданными, включая Ахмада, бывшего визиря Хубилая. Мусульманские подданные и Бату планировали вторгнуться на территории Юань, чтобы отомстить за Ахмада, казненного по приказу Хубилая [Zheng 1991: 177]. Поскольку Чжэн Сисьяо жил в отдаленном регионе, далеко от политического центра, в его докладе довольно много путаницы. Например, «Бату» на самом деле означает Тудан-Мункэ, а имя Номкана перепутано с именем внука Качиуна, Джакулы.¹⁰ Однако если игнорировать эти ошибки, то можно понять, что это сообщение не было основано только на слухах. После казни Ахмада, которая произошла за два года до освобождения Номкана, Хубилай принял строгие меры против мусульман в Китае и издал указ, запрещающий обрезание и исламский способ забоя скота. Эта политика нашла отклик в исламском мире и привела к постоянной напряженности в дипломатических и торговых контактах [Togan 2013: 96–98]. Учитывая нестабильные отношения между Юань и другими ханствами в этот период, существовала реальная угроза вторжения в Юань со стороны Золотой Орды.

Отношения Золотой Орды и династии Юань в период после Берке

После смерти Берке (ум. 1267) напряженность между Золотой Ордой и династией Юань смягчилась. По крайней мере, император династии Юань больше не рассматривал хана Улуса Джучи как противника, угрожающего северо-западной границе его владений. Около 1270 года Хубилай отправил послов, чтобы подтвердить вступление Менгу-Тимура на престол, что укрепило его легитимность в управлении делами Улуса Джучи. Хубилай даже убедил его не сотрудничать с Хайду, независимым монгольским правителем Улуса Угэдэя. Тем не менее, политика Менгу-Тимура была изменчивой и прагматичной и в первую очередь направленной на защиту собственной власти и интересов. Он поддерживал Хайду в конфликтах против Барака и Абаки, но в целом оставался нейтральным и держался вдали от беспорядков на восточных территориях. Однажды Хайду отправил Номкана, сына Хубилая, в качестве пленника ко двору Менгу-Тимура, вероятно, с намерением вовлечь последнего в антихубилайский альянс, но эта попытка не увенчалась успехом. В конце концов Номкан был освобожден преемником Менгу-Тимура, Тудан-Мункэ. В 1281 году, в качестве благожелательного ответа на этот шаг Тудан-Мункэ, правительство Юань вновь построило тридцать почтовых станций от Беш-Балыка до горы Тайхэ (大和嶺, т. е. до Кавказского хребта), стремясь связать внутреннюю территорию Золотой Орды с Китаем через Чагатайское ханство [Song 1978: 1569].

Однако внешняя политика Золотой Орды была сильно затронута созданием союза, направленного против Хулагуидов. Предполагалось, что этот союз будет состоять из Мамлюкского султаната, Чагатайского ханства и улуса Хайду и нападет на Государство Хулагуидов с трех сторон. Несмотря на ограниченный успех союза, Золотая Орда выступила в качестве посредника и заняла несколько недружелюбную позицию по отношению к династии Юань, главному союзнику Хулагуидов. Мамлюкские летописцы неприкрыто злорадствовали по поводу военной неудачи Хубилая, и, без сомнения, это отражало точку зрения Золотой Орды. Однако наследование трона Золотой Орды было нестабильным, и поэтому правителям Золотой Орды было трудно проводить последовательную внешнюю политику в отношении Дальнего Востока.

Династия Юань объединилась с главой левого крыла Улуса Джучи, потомками Орды, чтобы уравновесить их отчуждение от ханов Сарая. Кониичи, преемник Орды, проводил независимую политику в своих контактах с династией Юань и оставался нейтральным в серии конфликтов [Akasaka 2005: 156]. В 1288 и 1289 годах двор Юань дважды помогал царевичу

¹⁰ По данным ЮШ, Джакула был подчиненным командиром Номкана [Song 1978: 239]. См. генеалогию Джакулы в *Shu'abi Panjāna* [Rashīd al-Dīn: f. 103b].

Коничи серебром и припасами [Song 1978: 307, 320]. Опять же, в начале XIV века (1304–1312) двор Юань постоянно помогал наследному принцу Баяну противостоять атакам со стороны претендентов на престол во время гражданской войны [Qiu 2013: 32–38]. Что касается ханов Сарая, то они обнаружили, что для укрепления их легитимности все еще необходимо подтверждение со стороны великого хана. Поэтому Менгу-Тимур, Токта и Узбек отправляли послов, чтобы запросить это подтверждение и сопутствующий указ, печать и почетный княжеский девиз. Взамен Менгу-Тимур и Токта чеканили монеты выпускали таблички с китайскими иероглифами и монгольским письмом Пагба-ламы соответственно, что символизировало власть великого хана [Nyamaa 2005: 106; Tumutogoo 2010: 125].

Юаньский двор уделял пристальное внимание политическим событиям в Золотой Орде. В 1305 году, через год после того, как Токта поддержал мирное соглашение, правительство Юань оказало помощь в предоставлении пятимесячных продовольственных товаров кыргызским подданным Токты [Song 1978: 465]. С централизацией административного аппарата династии Юань уделы Улуса Джучи в Китае были переданы под прямое управление центрального правительства. Генеральное управление уделом в Пиньяне было распущено в 1288 году и интегрировано в местное правительство [Song 1978: 311; Cai 2009: 121–122].

Только потомки Чингисхана, члены Золотого рода, могли править в пределах Монгольской империи, и в результате правители разных ханств, как правило, рассматривали споры между собой как внутрисемейные дела. Термин «братство», на монгольском языке *aqa* и *de'ü* (*āqā wa īnī* на персидском), использовался в дипломатических обменах между улусами и в сравнении с контактами с независимыми государствами придавал этим контактам совсем другой дух [Kim 2009: 33]. Для императора Юань объединение его родственников в гармоничном братстве доказывало, что его престиж охватывал всю империю. Так, толuidский царевич Якуду (*ya-hu-du*, 牙忽都) восхвалял достижения великого хана Тэмюра (пр. 1294–1307) в следующих словах:

Хубилай (shi-zu) объединил весь мир, но царевичи императорского рода не смогли устроить совместный пир. Теперь, с безграничным богатством Вашего Величества, сначала потомки Бату-хана проявили свою покорность, а впоследствии и мятежный царевич Чапар сдался со всеми своими родами. Народы и земли снова объединяются в одну семью [Song 1978: 2909].

После Великого сближения 1304 года между Юань и Золотой Ордой состоялось почти 14 официальных посольств.¹¹ Было семь двусторонних обменов миссиями, и еще семь раз посольства великого хана были отправлены одновременно в Золотую Орду, Государство Хулагуидов и Чагатайское ханство. Эти посольства указывают на то, что с возрождением идеи единства Чингизидов связи между различными ханствами усилились. Начиная с правления султана Байбарса (пр. 1260–1277), хан Золотой Орды участвовал в торговле между Мамлюкским султанатом и Китаем. Мамлюкских купцов принимали при дворах Берке и Менгу-Тимура, они путешествовали по территории Золотой Орды и направлялись в Каракорум и далее до столицы Юань Ханбалька [Ibn Shaddād 1983: 307–308]. Мамлюкские торговые представители также участвовали в работоторговле и получали военную и экономическую информацию о династии Юань. В 1290 году, после победы над гарнизоном Юань в Каракоруме, юаньские пленники были отправлены в Египет и проданы в качестве рабов на рынке [al-Manṣūrī 1998: 262]. Дипломатические дары, преподнесенные Джанибеком Тоган-Темурю (пр. 1333–1370), включая *saqalāt* (вид ткани), *chachir* (палатку), нож,

¹¹ Согласно определению Михал Бيران [Biran 2008: 373], две основные функции дипломатического посольства – политическая и формальная. Политические посольства отправлялись для обсуждения союзов, представлений или просьб о военной помощи. Напротив, формальные посольства обычно были направлены на оказание почестей и выражение дружеских отношений.

изготовленный в Египте, и арабских скакунов, отражают влияние торговли Золотой Орды и мамлюков [Allsen 1987: 75; Behrens Abouseif 2014: 61–65].

Заключение

Отношения между Золотой Ордой и династией Юань не были прерваны с распадом Монгольской империи. Напротив, они поддерживались до краха династии Юань. Однако характер этих отношений со временем изменился. Первоначально правитель Золотой Орды рассматривался как представитель великого хана, но позже он стал независимым правителем с младшим статусом. После фактического распада Монгольской империи в дипломатических контактах император Юань не желал отказываться от своей самоидентификации как верховного суверена объединенной Монгольской империи. Родственные отношения и традиционные обычаи продолжали играть существенную роль во взаимоотношениях между Юань и Золотой Ордой. Исламизация, по-видимому, не была столь важна в этих отношениях, как считалось ранее. Большинство споров также были связаны с политическими и экономическими факторами.

Библиография

- Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Евразия, 2010.
- Тоган И.* Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // *Усманов М.А.* (ред.). Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории, 2001. С. 146–187.
- Akasaka Tsuneaki.* The Studies of Jochid Regimes. Tokyo: Kazamashobo, 2005.
- Allsen Thomas.* Changing Forms of Legitimation in Mongol Iran // *Seaman, Gary and Marks, Daniel* (eds). Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles: University of Southern California, 1991. P. 223–241.
- Allsen Thomas.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands 1251–1259. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Allsen Thomas.* Sharing Out the Empire: Apportioned Lands under the Mongols // *Khazanov, Anatoly and Wink, Andre* (eds). Nomads in the Sedentary World. London: Routledge, 2001. P. 172–190.
- Allsen Thomas.* The princes of the left hand: an introduction to the history of the ulus of Orda in the thirteenth and early fourteenth centuries // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 1985. № 5. P. 5–40.
- Ayalon David.* The Great Yasa of Chingiz Khan: a reexamination (part B) // *Studia Islamica.* 1971. № 34. P. 151–180.
- Behrens-Abouseif Doris.* Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World. New York: I.B. Tauris, 2014.
- Belyaev Vladimir, Sidorovich Sergey.* Juchid coin with Chinese legend // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 2013. № 20. P. 5–22.
- Biran Michal.* Diplomacy and chancellery practices in the Chagataid Khanate: some preliminary remarks // *Oriente Moderno.* 2008. № 88. P. 369–393.
- Buell Paul, Poppe Nicholas* (dir.). Tribe, Qan and Ulus in Early Mongol China: Some Prolegomena to Early Yuan History. Washington: University of Washington, 1977.
- Cai Meibiao.* Preliminary studies on Batu's apanage in Pingyang // *Zhongguoshi yanjiu.* 2009. № 1. P. 115–122.
- Chen Dezhi.* Commentary on Record of Changde's Mission to the West // *Zhonghua wenshiluncong.* 2015. № 1. P. 68–108.
- Chen Gaohua.* Studies on the compilation of the Yuanshi // *Lishi yanjiu.* 1990. № 4. P. 115–129.

- Cleaves Francis*. The Secret History of the Mongols. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
- Cui Yunzhao* (ed.). Anonymous, «Edict of Batu» // Zhili huozhouzhi. Wood-block Edition, Shanghai Library. 1826. № 25.
- Halperin Charles*. The missing Golden Horde chronicles and historiography in the Mongol Empire // Halperin Charles (ed.). Russia and the Mongols: Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. Bucharest: Ed. Academiae Romane, 2007. P. 264–276.
- Hao Jing*. Haowenzhonggong linchuanwenji. Woodblock Edition, 1738.
- Ibn Abī-L-Faḍā'il (Al-Mufaḍḍal)*. Moufazzal Ibn AbilFazail. Histoire des Sultans Mamelouks. Blochet E. (trans.). Texte Arabe Publié et Traduit en Francais // Patrologia Orientalis. Paris. 1919. Vol. 12.
- Ibn Shaddād*. Tā'riḫ almalik alZāhir. Ḥuṭayṭ A. (ed.). Wiesbaden, 1983.
- Jackson Peter*. From ulus to khanate: the making of the Mongol states, c. 1220 – c. 1290 // Amitai-Preiss, Reuven, Morgan, David (eds). The Mongol Empire and its Legacy. Leiden: Brill, 1999. P. 12–38.
- Jackson Peter*. The dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. 1978. № 22. P. 186–244.
- Jūvaynī 'Alā al-Dīn 'Atāmalik*. The History of the World Conqueror. Boyle J.A. (trans.). Manchester, 1958.
- al-Jūzjānī*. The Tabakāṭi Nāsiri. Raverty H.G. (trans.). 2 vol. London, 1881–99.
- al-Khazandārī Qirtāy al-'Izz*. Tārīḫ Majmū' alnawādir mimmā jarā lilawā'il walawāḥir. Hein, Horst, al-Ḥujairī, Muḥammad (ed.). Beirut, 2005.
- Kim Hokdong*. The unity of the Mongol Empire and continental exchanges over Eurasia // Journal of Central Eurasian Studies. 2009. № 1. P. 15–42.
- Kirakos Gandzakets'i*. Kirakos Gandzakets'i's History of the Armenians. Bedrosian, R. (trans.). New York, 1985.
- Kolbas Judith*. The Mongols in Iran: Chingiz Khan to Uljaytu 1220–1309. New York: Routledge, 2006.
- Lech K.* (ed. and trans.). Das mongolische Weltreich: al'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik alabsār fi mamālik alamsār. Wiesbaden, 1968.
- Legge James*. The Ch'un Ts'ew, with the Tso Chuen // The Chinese Classics V. Revised edition. London, 1893.
- Li Zhī'an*. Studies on the Feudal System of the Yuan Dynasty. Tianjin: Tianjin guji chubanshe, 2007.
- Liu Du*. The epitaph of Sugongshi, former Xuanchai daruaçi of the various artisans of the Pingyang Circuit of the Great Yuan Dynasty // Liu Zemin (ed.). Sanjing shike daquan: Linfenshi Yaodujuan. Taiyuan: Sanjin chubanshe, 2011. P. 4344.
- Ma Ge*. The inscription on the reestablishment of the Confucian School // Quanyuanwen. 1998. № 2. P. 236237.
- al-Manṣūrī Baybars*. Zubdat alfikrah fi tā'riḫ alhijra. Ed. by Donald S. Richards. Beirut, 1998.
- Naṭanzī Mu'in al-Dīn*. Extraits du Muntakhab altavāriḫi Mu'ini (Anonyme d'Iskandar). Aubin J. (ed.). Tehran, 1957.
- Nyamaa Badarch*. The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgha of Khans (XIII–XIV). Ulaanbaatar: Admon, 2005.
- Petech Luciano*. Central Tibet and the Mongols: the Yuan Sa-Skya Period of Tibetan History. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1990.
- Qazvīnī Ḥamdallāh Mustawfī*. Tārīḫi guzīda. 'Abd al-Ḥusayn Navāyī (ed.). Tehran, 1960.
- Qazvīnī Ḥamdallāh Mustawfī*. Ḍafarnāma. Vol. 8. Tehran, 2010.
- Qiu Yihao*. Changes in land apportionment practices in the Mongol Empire before and after the reign of the Great Qan Möngke // The Bulletin of the Institution of History and Philology Academia Sinica. 2011. № 82 (1). P. 79–127.

- Qiu Yihao*. The succession crisis of Orda ulus in the early 14th century // *Xiyu yanjiu*. 2013. № 4. P. 23–38.
- Qū Rang*. The schedule of water allotment in the Great Dynasty // *Yang Taikang, Cao Zhanmei* (eds). *Sanjin xiqu wenwukao*. Taibei: Shihezheng minzuwenhua jijinhui chubanshe, 2006. P. 840–843.
- Rashīd al-Dīn Faḡl-Allāh Hamādānī*. *Shu'abi Panjgāna*, ms. İstanbul, Topkapı-Sarayı Müzesi kütüphanesi, Ahmet, 2937.
- Rashīd al-Dīn*. *Jāmi' altawārikh*. Muḡammad Rawshan (ed.). 4 vol. Tehran, 1994.
- Ren Yi*. The description of the administration in Jinzhou // *Quanyuanwen*. 1998. № 9. P. 21–22.
- Sayfī Ibn Muḡammad al-Harawī*. *Tārikh-nāmai Harāt*. Qulamriza Tabataba'ī Majd (ed.). Tehran, 2004.
- Shen Xie, Lin Meicun* (dir.). *The Golden, Silver Wares found in Golden Horde and the Steppe Silk Route*. Peking: Peking University, 2012.
- Shen Xie*. The epitaph of Su Gongshi and the postal system for revenue transportation from Pingyang // *Kaogu yu wenwu*. 2015. № 4. P. 92–100.
- Song Lian* (ed.). *Yuanshi* (New edition). Beijing: Zhonghua shuju, 1978.
- Sugiyama Masaaki*. The fundamental structure of the Mongol Empire: on the enfeoffment of the kinsmen of Činggis-qan // *Tōyōshi kenkyū*. 1978. № 37 (1). P. 1–34.
- Tan Qixiang* (ed.). *The Historical Atlas of Chinese History: Yuan and Ming Dynasty*. Beijing: Zhongguo ditu chubanshe, 1996.
- Tao Zongyi*. *The imperial genealogical table of Great Yuan*. Beijing, 1997.
- Togan Isenbike*. Variations in the perception of Jasagh // *Alimova Dilorom* (ed.). *Markazii Osiyo tarixi zamonavii medievistika talkinida*. Tashkent: Yangi Nashr, 2013. P. 67–101.
- Tong Shu*. *The New Epitaph of the Senior Supervisor in Office of the Left and the Right of Central Secretariat, General Li* // *Juanji*. Taibei, 1986.
- Tumurtoḡoo Domii*. *Mongolian Monuments in Phags-pa Script: Introduction, Transliteration, Transcription and Bibliography*. Taipei: Academia Sinica, 2006.
- Vaṣṣāf 'Abd Allāh b. Faḡl Allāh Shīrāzī*. *Tārikhī Vaṣṣāf (Tajziyat alam'sār wa tazjiyat ala'sār)*. Tehran, 1960 (repr.).
- Wang Wei*. The reFOUNDATION inscription of the temple of the god of Xiezhou's salt ponds under the command of imperial decree // *Zhang Peilian* (ed.). *Sanjing shike daquan: Yunchengshi Yanhuqu juan*. Taiyuan: Sanjin chubanshe, 2010. P. 51–52.
- Wang Yun*. The description of the reestablishment of Daoai Hall in Pingyang Circuit // *Quanyuanwen*. 1998. № 6. P. 72–73.
- Xu Youren*. *The Epitaph of Former Jinyi fuwei, Record Keeper of Yuanshi Country* // *Zhizhengj*. Taibei, 1985.
- Yang Bojun*. *The Annotation of Chunqiu Zuozhuan*. Beijing: Zhonghua shuju, 1995.
- al-Yūnīnī Quṭb al-Dīn Mūsā b. Muḡammad*. *Dhayl mi'rat alzamān fī ta'rikh ala'yān*. Hederabad. 4 vols. 1954–61.
- Zheng Sixiao*. *Historical Stories of Great Righteousness* // *Zhengsixiaoji*. Shanghai, 1991.

Reference

- Akasaka, Tsuneaki. 2005. *The Studies of Jochid Regimes*. Tokyo: Kazamashobo (in Japanese).
- Allsen, Thomas. 1985. The princes of the left hand: an introduction to the history of the ulus of Orda in the thirteenth and early fourteenth centuries. In: *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 5, 5–40 (in English).
- Allsen, Thomas. 1987. *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands 1251–1259*. Berkeley: University of California Press (in English).

- Allsen, Thomas. 1991. Changing Forms of Legitimation in Mongol Iran. In: Seaman, Gary and Marks, Daniel (eds). *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Los Angeles: University of Southern California, 223–241 (in English).
- Allsen, Thomas. 2001. Sharing Out the Empire: Apportioned Lands under the Mongols. Khazanov, Anatoly and Wink, Andre (eds). *Nomads in the Sedentary World*. London: Routledge, 172–190 (in English).
- Ayalon, David. 1971. The Great Yasa of Chingiz Khan: a reexamination (part B). In: *Studia Islamica*, 34, 151–180 (in English).
- Behrens-Abouseif, Doris. 2014. *Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World*. New York: I.B. Tauris (in English).
- Belyaev, Vladimir, Sidorovich, Sergey. 2013. Juchid coin with Chinese legend. In: *Archivum Erasiae Medii Aevi*, 20, 5–22 (in English).
- Biran, Michal. 2008. Diplomacy and chancellery practices in the Chagataid Khanate: some preliminary remarks. In: *Oriente Moderno*, 88, 369–393 (in English).
- Buell, Paul, Poppe, Nicholas (dir.). 1977. *Tribe, Qan and Ulus in Early Mongol China: Some Prolegomena to Early Yuan History*. Washington: University of Washington (in English).
- Cai, Meibiao. 2009. Preliminary studies on Batu's apanage in Pingyang. In: *Zhongguoshi yanjiu*, 1, 115–122 (in Chinese).
- Chen, Dezhi. 2015. Commentary on Record of Changde's Mission to the West. In: *Zhonghua wenshiluncong*, 1, 68–108 (in Chinese).
- Chen, Gaohua. 1990. Studies on the compilation of the Yuanshi. In: *Lishi yanjiu*, 4, 115–129 (in Chinese).
- Cleaves, Francis. 1982. *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, MA: Harvard University Press (in English).
- Cui, Yunzhao (ed.). 1826. Anonymous, «Edict of Batu». In: *Zhili huozhouzhi*, Wood-block Edition, Shanghai Library, 25 (in Chinese).
- Halperin, Charles. 2007. The missing Golden Horde chronicles and historiography in the Mongol Empire. In: Halperin, Charles (ed.). *Russia and the Mongols: Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia*. Bucharest: Ed. Academiae Romane, 264–276 (in English).
- Hao, Jing. 1738. *Haowenzhonggong linchuanwenji*, Woodblock Edition (in Chinese).
- Ibn Abī-L-Faḍā'il (Al-Mufaḍḍal). 1919. Moufazzal Ibn AbilFazail. Histoire des Sultans Mamelouks. Blochet, E. (trans.). Texte Arabe Publié et Traduit en Francais. In: *Patrologia Orientalis*, 12 (in Arabic, in French).
- Ibn Shaddād. 1983. *Tārīkh almalik alZāhir*. Huṭayṭ, A. (ed.). Wiesbaden (in Arabic).
- Jackson, Peter. 1978. The dissolution of the Mongol Empire. In: *Central Asiatic Journal*, 22, 186–244 (in English).
- Jackson, Peter. 1999. From ulus to khanate: the making of the Mongol states, c. 1220 – c. 1290. In: Amitai-Preiss, Reuven, Morgan, David (eds). *The Mongol Empire and its Legacy*. Leiden: Brill, 12–38 (in English).
- Jūvaynī, 'Alā al-Dīn 'Atāmalik. 1958. The History of the World Conqueror. Boyle, J.A. (trans.). Manchester (in English).
- al-Jūzjānī. 1881–99. *The Tabakāti Nāsiri*. Raverty, H.G. (trans.). 2 vol. London (in English).
- al-Khazandārī, Qirtāy al-'Izz. 2005. *Tārīkh Majmū' alnawādir mimmā jarā lilawā'il walawāḥir*. Hein, Horst, al-Hujairī, Muḥammad (ed.). Beirut, (in Arabic).
- Kim, Hokdong. 2009. The unity of the Mongol Empire and continental exchanges over Eurasia. In: *Journal of Central Eurasian Studies*, 1, 15–42 (in English).
- Kirakos, Gandzakets'i. 1985. *Kirakos Gandzakets'i's History of the Armenians*. Bedrosian, R. (trans.). New York (in English).
- Kolbas, Judith. 2006. *The Mongols in Iran: Chingiz Khan to Uljaytu 1220–1309*. New York: Routledge (in English).

- Lech, K. (ed. and trans.). 1968. *Das mongolische Weltreich: al'Umaris Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masâlik alabsâr fi mamâlik alamsâr*. Wiesbaden (in German).
- Legge, James. 1893. The Ch'un Ts'ew, with the Tso Chuen. In: *The Chinese Classics V*. Revised edition, London (in English).
- Li, Zhi'an. 2007. *Studies on the Feudal System of the Yuan Dynasty*. Tianjin: Tianjin guji chubanshe (in Chinese).
- Liu, Du. 2011. The epitaph of Sugongshi, former Xuanchai daruaçi of the various artisans of the Pingyang Circuit of the Great Yuan Dynasty. In: Liu, Zemin (ed.). *Sanjing shike daquan: Linfenshi Yaodujuan*. Taiyuan: Sanjin chubanshe, 4344 (in Chinese).
- Ma, Ge. 1998. The inscription on the reestablishment of the Confucian School. In: *Quanyuanwen*, 2, 236237 (in Chinese).
- al-Manşūrī, Baybars. 1998. *Zubdat alfikrah fi tārīkh alhijra*. Ed. by Donald S. Richards. Beirut (in Arabic).
- Naţanzī, Mu'in al-Dīn. 1957. *Extraits du Muntakhab altavārikhi Mu'ini (Anonyme d'Iskandar)*. Aubin, J. (ed.). Tehran (in Persian).
- Nyamaa, Badarch. 2005. *The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgha of Khans (XIII–XIV)*. Ulaanbaatar: Admon (in English).
- Petech, Luciano. 1990. *Central Tibet and the Mongols: the Yuan Sa-Skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente (in English).
- Pochekaev, Roman. 2010. *Tsari ordynskie: Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy [Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]*. 2nd ed., corrected and enlarged. St. Petersburg: Eurasia, 2010 (in Russian).
- Qazvīnī, Ḥamdallāh Mustawfī. 1960. *Tārīkhī guzīda*. Navāyī, 'Abd al-Ḥusayn (ed.). Tehran (in Persian).
- Qazvīnī, Ḥamdallāh Mustawfī. 2010. *Zafarnāma*. Vol. 8. Tehran (in Persian).
- Qiu, Yihao. 2011. Changes in land apportionment practices in the Mongol Empire before and after the reign of the Great Qan Möngke. In: *The Bulletin of the Institution of History and Philology Academia Sinica*, 82 (1), 79–127 (in English).
- Qiu, Yihao. 2013. The succession crisis of Orda ulus in the early 14th century. In: *Xiyu yanjiu*, 4, 23–38 (in English).
- Qū, Rang. 2006. The schedule of water allotment in the Great Dynasty. In: Yang, Taikang, Cao, Zhanmei (eds). *Sanjin xiqu wenwukao*. Taipei: Shihezheng minzuwenhua jijinhui chubanshe, 840–843 (in Chinese).
- Rashīd al-Dīn, Faḡl-Allāh Hamādānī. *Shu'abi Panjgāna*, ms. İstanbul, Topkapı-Sarayı Müzesi kütüphanesi, Ahmet, 2937 (in Persian).
- Rashīd al-Dīn. 1994. *Jāmi' altawārikh*. Muḥammad Rawshan (ed.). 4 vol. Tehran (in Persian).
- Ren, Yi. 1998. The description of the administration in Jinzhou. In: *Quanyuanwen*, 9, 21–22 (in Chinese).
- Sayfī, Ibn Muḥammad al-Harawī. 2004. *Tārīkh-nāmai Harāt*. Qulamriza Tabataba'ī Majd (ed.). Tehran (in Persian).
- Shen, Xie, Lin, Meicun (dir.). 2012. *The Golden, Silver Wares found in Golden Horde and the Steppe Silk Route*. Peking: Peking University (in English).
- Shen, Xie. 2015. The epitaph of Su Gongshi and the postal system for revenue transportation from Pingyang. In: *Kaogu yu wenwu*, 4, 92–100 (in Chinese).
- Song, Lian (ed.). 1978. *Yuanshi* (New edition). Beijing: Zhonghua shuju (in Chinese).
- Sugiyama, Masaaki. 1978. The fundamental structure of the Mongol Empire: on the enfeoffment of the kinsmen of Činggis-qan. In: *Tōyōshi kenkyū*, 37 (1), 1–34 (in Japanese).
- Tan, Qixiang (ed.). 1996. *The Historical Atlas of Chinese History: Yuan and Ming Dynasty*. Beijing: Zhongguo ditu chubanshe (in English).
- Tao, Zongyi. 1997. *The imperial genealogical table of Great Yuan*. Beijing (in Chinese).

- Togan, Isenbike. 2001. Dzhuchi-han i znachenie osady Horezma kak simvola zakonnosti [Jochi Khan and the Significance of the Siege of Khorezm as Symbols of Legitimacy]. In: Usmanov, M.A. (ed.). *Istochnikovovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy). Ot Kalki do Astrahani. 1223–1556* [Source Studies of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan: Institute of History, 146–187 (in Russian).
- Togan, Isenbike. 2013. Variations in the perception of Jasagh. In: Alimova, Dilorom (ed.). *Markazii Osiyo tarikhi zamonavii medievistika talkinida*. Tashkent: Yangi Nashr, 67–101 (in English).
- Tong, Shu. 1986. The New Epitaph of the Senior Supervisor in Office of the Left and the Right of Central Secretariat, General Li. In: *Juanji*. Taipei (in Chinese).
- Tumurtogoo, Domii. 2006. *Mongolian Monuments in Phags-pa Script: Introduction, Transliteration, Transcription and Bibliography*. Taipei: Academia Sinica (in English).
- Vaṣṣāf, ‘Abd Allāh b. Faḍl Allāh Shīrāzī. 1960. *Tārīkhi Vaṣṣāf (Tajziyat alamṣār wa tazjiyat ala’sār)*. Tehran (repr.) (in Persian).
- Wang, Wei. 2010. The refoundation inscription of the temple of the god of Xiezhou’s salt ponds under the command of imperial decree. In: Zhang, Peilian (ed.). *Sanjing shike daquan: Yunchengshi Yanhuqu juan*. Taiyuan: Sanjin chubanshe, 51–52 (in Chinese).
- Wang, Yun. 1998. The description of the reestablishment of Daoai Hall in Pingyang Circuit. In: *Quanyuanwen*, 6, 72–73 (in Chinese).
- Xu, Youren. 1985. The Epitaph of Former Jinyi fuwei, Record Keeper of Yuanshi Country. In: *Zhizhengji*. Taipei (in Chinese).
- Yang, Bojun. 1995. *The Annotation of Chunqiu Zuozhuan*. Beijing: Zhonghua shuju (in Chinese).
- al-Yūnīnī, Quṭb al-Dīn Mūsā b. Muḥammad. 1954–61. *Dhayl mi’rat alzamān fī ta’rīkh ala’yān*. Hederabad, 4 vols (in Persian).
- Zheng, Sixiao. 1991. Historical Stories of Great Righteousness. In: *Zhengsixiaoji*. Shanghai (in Chinese).

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.07.2024

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 31.07.2024

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 26.08.2024

